

Глава 5

Суровые морозы спали к марту. Прошло уже три недели, как бригада Сергея закончила разгрузку барж и приступила к оборудованию нормального причала. Вроде не бездельничали, делали очень важно дело, а в душе бригадира и ставшими ему друзьями Владимира и Рифата всё более и более скапливалась неудовлетворённость. Хотелось большего – такой работы, которая требовала бы не только их физическую силу, а и голову, те знания, которые они получили в институтах. И в неожиданный вызов в контору управления Бороздин решил откровенно поговорить и с Литваковым, и с Осиповым. Ну, не ударят же в нос, в конце концов.

Разговор состоялся в их с Литваковым кабинете. До Нижневартовска Сергей добирался с сейсмиками на вездеходе и даже не успел заскочить на квартиру к Анастасии Семёновне, чтобы переодеться, а потому был в телогрейке, напрочь пропахшей солярой, большой собачей шапке-ушанке, в своих любимых кисах и с бородой, так как даже не успел её сбрить перед отъездом, до последнего решая текущие проблемы строительства причала.

– Владимир Уриелевич! Ты посмотри, каким диким таёжником стал наш Сергей Константинович! – с весёлой усмешкой Осипов первый протянул руку вошедшему. Сергей торопливо снял свой полупустой рюкзак на пол, сдёрнул шапку и ответил на рукопожатие.

– Здравствуйте, Борис Иванович, – спокойно с достоинством ответил, повернулся, сделал пару шагов к Литвакову и также поприветствовал его рукопожатием – Владимир Уриелевич.

– Привет, привет, Серёжа. – Литваков давно звал Бороздина просто по имени, видя в нём скорее младшего брата или друга, нежели подчинённого. И уже продолжил начатую Осиповым подколку, – нет, он не просто таёжник, он стал настоящим мегионцем, там все так ходят, я сам видел, – и с хитрым прищуром посмотрел в глаза Сергею.

Месяца три б назад он обязательно бы вспыхнул от смущения, но в этот раз просто погладил свою бороду и ответил:

– Сбрею, когда вернёте меня к себе на нормальную работу, ту, которой я учился, и где смогу принести больше пользы.

Осипов и Литваков переглянулись с улыбкой, мол «а, что я тебе говорил!» и «а, то!» и вместе же, уже почти смеясь, вновь уставились на Сергея. Тот молчал и прикладывал не мало усилий, чтобы не показать старшим товарищам накопившиеся неудовлетворение и обиду. Затянувшееся молчание прервал главный геолог:

– Ну вот, а мы всё ждали, когда ж, наконец, ты взбунтуешься! – и старшие расхохотались весело и громко.

– Так это... это была проверка?! – удивление и неожиданное осознание напрочь смели всю тренируемую выдержку, и Сергей густо покраснел, что называется, до кончиков ушей.

– Нет, не проверка, но, зная твою деятельную натуру и характер, предполагали, что так должно случиться, – объяснил Литваков, пытаясь погасить обиду молодого человека.

– И вы продержались гораздо дольше, чем мы загадывали, что говорит только в вашу пользу, – продолжил уже Осипов. – Вы не только хорошо выполнили порученную вам работу, но и доказали, что на вас можно положиться в любом деле. А это, знаете ли,

тянет на официальную благодарность с занесением в трудовую книжку.

– Да не надо мне никакой благодарности, – вконец смутившийся Сергей, совершенно не умеющий принимать похвалы в свой адрес, думал, как перевести разговор на действительно важные вопросы. Но тут Осипов продолжил:

– Я думаю, пора ваших ребят вернуть в Нижневартовск. Как, бригада сложилась? – Осипов дождался утвердительного кивка от Сергея и продолжил, – так вот, вы вернётесь к своей работе, а ваших ребят отправим в подразделение технологического транспорта под руководство Павла Васильевича, а уж он, найдёт им нового бригадира. Здесь вы, действительно, нужнее. Ну, а строительство причала и других объектов уже будут завершать строители, они тут стали набирать силу и пусть реализовывают свои задачи.

– Борис Иванович! – Сергей очень обрадовался, что разговор пошёл именно в нужном ему русле. – Я бы хотел поделиться своим мнением по поводу Ладыгина Владимира и Рифата Яппарова.

– Ваши друзья? – уточнил Осипов.

– Мы все в бригаде подружились, это так. Просто это очень толковые, знающие и грамотные специалисты. Рифат бредит геологией, и там, в Мегиионе использует каждую минуту, чтобы поучиться у геологов. Правда, времени на это было не много. Так что, Владимир Уриелевич, возьмите его в свою команду, а?

Литваков снова разулыбался:

– Ты действительно становишься неплохим руководителем, раз способен по достоинству и, надеюсь, объективно оценить других людей. Да за одно то, что это первая твоя рекомендация, стоит взять парня под начало. Поработаете на первых порах вместе, а потом, если он на самом деле так хорош, как ты говоришь, и заменит тебя. Я так понимаю, Борис Иванович вскоре тебя заберёт ещё куда-нибудь...

Осипов только махнул рукой, мол «не открывай все карты» и спросил:

– А что Ладыгин?

– Во-первых, у него замечательное инженерно-техническое мышление, подкреплённое серьёзными институтскими и армейскими знаниями. Он ведь сам напросился и служил в войсках радио-химической защиты. И то, что мы гораздо раньше справились с разгрузкой барж, и очень многое успели уже сделать на строительстве причала – это результат использования его технических расчётов. Во-вторых, он порядочен и честен...

– Порядочен и честен? – задумчиво уточнил Осипов, – это хорошо. А что, есть ещё и в третьих?

– Да. К нему тянутся люди...

И это было действительно так. Несколько раз в «мегионском сидении», как полу-шутя называли свою эпопею ребята из бригады Бороздина, случались острые моменты, когда какое-то решение требовалось «продавить» чуть ли не авторитарным методом. Сергей такую методику не терпел, но работу надо было выполнять, не смотря ни на усталость, ни на зверские морозы. В общении с людьми он всегда был спокоен и убедителен, используя логически ясные и чёткие аргументы. Но и их иногда не хватало. И в такие минуты к нему на помощь приходил Владимир. Обычно хватало его: «Надо, значит надо».

Попала к ним пара человек, которые способны были замутив даже кристально-чистую воду. Сергей даже подозревал, что их специально включили в бригаду для перевоспитания. Причём, то, что они могут попортить немало нервов, понял ещё во время знакомства. Но вот найти подход к этим «раздолбаям» сразу ему не удалось. И первая

стычка не заставила себя долго ждать.

В первый же выходной вечер бригада почти в полном составе, в вагончике остались Бороздин и Яппаров, отправилась на танцы в сельский клуб. И эта пара «малолетних козликов», как их потом окрестили, чуть ли не устроила драку банально из-за того, что местные парни не позволили им увести своих девушек. Скрутили хулиганов свои же ребята, Владимир принёс от имени бригады извинения и пообещал, что эти «свинтусы» на танцах больше не появятся. Кстати, обещание он своё выполнил. В вагончик все вернулись с испорченным настроением. Сергею особо ничего рассказывать не стали, а Владимир вывел двух дебоширов подальше от вагончика и с полчаса о чём-то с ними говорил. Что уж там было сказано, Владимир так не признался и потом, даже Сергею, хотя любопытно было всем. Но воспитательной беседы хватило на какое-то время. А Ладыгин своим умением молчать, сохраняющим достоинство других, вызвал всеобщее уважение...

Осипов к мнению молодого бригадира прислушался, и через три дня, когда вернулась бригада в полном составе, тут же пригласил Ладыгина для частного разговора в свой кабинет. О чём уж там шёл разговор, Владимир так и не признался, но он заглянул в соседний кабинет в поисках Бороздина и увидел, что и тут шёл разговор Литвакова с Яппаровым, правда, в присутствии Сергея. Точнее, мужики на троих уже соображали, как лучше поставить третий стол, чтобы всем было удобно работать.

– Всё, идите, там вас ждут, – кивнул Литваков в сторону двери, – пятнадцать минут рабочего времени сейчас ничего не решат, а завтра в восемь утра. Чтобы как штык, без опозданий. Сергей, у вас будет сегодня время вечером, обрисуйте Рифату Маратовичу хотя бы в общих чертах задачи, которые необходимо решить в срочном порядке. Вдруг, какая светлая мысль придёт в свежую голову.

Попрощавшись, молодёжь торопливо вышла из кабинета. Ожидающий их Владимир оценил выражение лица Рифата, с которого ещё не сошло радостное удивление и даже некая растерянность. Для него приглашение главного геолога поработать его помощником оказалось полной неожиданностью. Ладыгин молча, но с искренней улыбкой и благодарностью во взгляде пожал руку Сергею, они оба помнили тот ночной разговор, но никому так и не рассказали о нём. Сергей немного смутился и тут же на правах всё ещё бригадира начал распределять время на вечер.

– Так, сначала идём в общагу, кидаете вещи, переодеваетесь, берёте то, что нужно для баньки и идём ко мне. Я предупредил Анастасию Семёновну, что у нас сегодня будут гости, поэтому всё нормально. Она там такой борщец сварила! За уши не оттащишь. И пирожки с брусникой. Между прочим, ягоду я сам насобирал...

Баньку топили вчетвером, перекидываясь шутками, невероятными идеями и весёлыми рассказами о пережитом за прошедшую зиму. Павел сразу же расположил к себе и Рифата, и Владимира, который, вот удивительное дело! – без конца улыбался и шутил вместе со всеми. Таким его ещё ни Сергей, ни Рифат не видели. А после баньки, которая к хорошему настроению ещё добавила и благодушной разморённости, устроились на кухне вокруг стола. И потёк разговор, понятно дело, о работе, о первоочередных задачах вперемешку с искренней благодарностью Анастасии Семёновне за гостеприимство, замечательный ужин и восхитительные пирожки.

– Мне сегодня Борис Иванович, – неожиданно вдруг сменил тему Владимир, – ...предложил организовать работу лаборатории химанализа. Сказал, что лаборатория геологов и так загружена, поэтому надо создавать свою.

– Ну, а ты? – в нетерпении спросил Сергей, а Павел с Рифатом выжидательно посмотрели на товарища.

– Я согласился, хотя...

– Ты хотел чего-то иного? – серьёзно уточнил Павел.

– Наверное. На буровую, туда, где требуется решать технические задачи.

– Успеешь ещё нарешаться, ещё устанешь от них, – Павел снова заулыбался. – Мне, может быть, немного больше повезло, потому что сразу определили к технике, но вот заниматься организацией подразделения пришлось. И это, скажу тебе, такая головная боль, что придётся использовать всё – от институтских знаний, до самых скрытых талантов, причём и не угадаешь, что понадобится — способность к дипломатии, умение сделать технический расчёт или просто нарисовать картинку...

Весна оказалась дружной, быстрой и коварной. Резкое потепление чуть ли не за одну неделю вывело из строя зимники и ледовые переправы. С одной стороны это радовало, потому как с открытием навигации будут освобождены резервуары, и снова в полную мощь заработают нефтяные вышки на месторождении. План-то по добыче нефти только увеличился, а ещё условия Всесоюзного социалистического соревнования, а ещё и готовность некоторых партийных чиновников разного ранга создать волну «вперёдбегущих» за чужой счёт. А с другой стороны, не успели передислоцировать всю технику, которую планировали. Не обошлось и без ЧП, хотя Осипов и надеялся, что ситуация с затонувшей в болоте техникой, которую пережили в начале зимы, не повторится. Тогда, не имея ещё местного опыта, поторопились с отправкой целой колонны тяжёлого транспорта к точке оборудования нового куста. И... потеряли несколько бульдозеров и самосвал. Надёжная с виду дорога через болото оказалась ловушкой. Благо люди успели повыскакивать из кабин. А ведь они долго на совещании тогда обмозговывали эту переброску и советовались со старожилками и геологами. Ну, кто мог знать, что под толщей торфа скрывается подземная, коварная речушка и живуны, которые и не дали промёрзнуть болоту.

Сейчас же... просто не успели. Метеорологи предупреждали, что весна, возможно, будет бурной. Но вот это совершенно не конкретное «возможно», как ворожба на прошлогоднем снеге, не позволило прислушаться к прогнозу всерьёз, да и успеть хотелось как можно больше именно по обустройству и разработке самого месторождения.

Вся работа по строительству, оборудованию и эксплуатации непосредственно мегионского месторождения ещё с осени легла на плечи начальника первого нефтепромысла Ивана Ивановича Рынкового. И он великолепно вписался в изначальную команду – Осипов, Арнапольский, Литваков. Такой же деятельный, умный, профессионал, правда, несколько жестковатый и взрывной, но на этом непростом участке становления нефтепромыслового управления и нужен был такой.

Вообще, Осипов старательно подбирал команду, в большинстве случаев отдавая предпочтение уже хорошо знакомым и проверенным в работе людям. Он уже отправил несколько писем своим бывшим коллегам на Сахалин с предложением перебраться на работу в новое НПУ, у которого должно быть большое будущее. Люди обещали подумать.

И вот снова ЧП. Теперь на переправе через Обь. И снова затонул бульдозер. Узнав об этом, Осипов даже в сердцах про себя рыкнул: «Да что это?! Как проклятье кто какое наложил!» И самым неприятным было то, что первым к нему с этой новостью в кабинет

зашёл Бугдач. Спешащий с докладом Рынковой, опоздал буквально на пять минут.

– ...Что у вас творится на предприятии?! – голос партийного функционера уже набрал обороты и вызывал только зубную боль. – У вас люди гибнут, а вам наплевать!

– Где погибли люди? – внешне оставаясь невозмутимым, Борис Иванович начал срочно в уме просчитывать возможные варианты трагедии.

– Нам в райком партии уже сообщили, что два часа назад под лёд на Оби ушли несколько единиц вашей техники вместе с людьми...

И тут в дверь без стука вошёл Рынковой.

– Борис Иванович, я только что из больницы...

– Сколько человек погибло? – Его резко перебил Осипов. Рынковой остановился, словно уткнулся в невидимую преграду.

– Нисколько.

– Сколько единиц техники провалилось? – Продолжил допрос Осипов, едва переведя дыхание.

– Один бульдозер. Тракториста вытащили и вертолётном сразу же доставили в больницу. Вот, я только оттуда, – начальник нефтепромысла выдохнул и устало опустился на стул возле стены. – С ним всё в порядке, ну, в смысле с бульдозеристом. Пару деньков отлежится под присмотром докторов и снова выйдет на работу.

Успокоенный Осипов пристально посмотрел на Бугдача и тихо сказал:

– Вон из моего кабинета.

Тот даже побагровел, но не посмел ничего сказать против и выскользнул в коридор.

Сам же Осипов медленно подошёл к своему стулу, сел и начал рыться в ящиках стола, что-то бурча под нос. Нашёл сердечные капли и тихо попросил:

– Иван Иванович, не в службу, а в дружбу, налей стакан воды. Графин, там, на окне за занавеской. – И его правая рука медленно, словно продираясь через волю этого человека, накрыла грудь в области сердца.

Рынковой стремительно подошёл к окну, где рядом с графином стояла пара стаканов, налил в оба воды, один поднёс Осипову, за вторым вернулся уже для себя. Внимательно посмотрел на Осипова.

– А может лучше доктора позвать? – неуверенно предложил Рынковой. За полгода совместной работы он впервые видел начальника управления в таком состоянии. Тот не успел ничего ответить, как в кабинет вошёл Арнапольский с неизменной ехидной улыбкой, явно скрывающей какую-то любопытную новость, но резкий запах сердечного лекарства остановил его на мгновение, а потом он чуть ли не подбежал к столу.

– Борис, ты чего? Что случилось? Давай в больницу, а?

– Нет. Сейчас всё пройдёт, – отбрыкался Осипов. – Вот тебе Иван Иванович всё расскажет, жаль он чуть-чуть опоздал...

И Рынковой снова, но уже подробно рассказал о ЧП.

Ледовая переправа через Обь была по пути кратчайшего расстояния до отдалённых строящихся кустов нефтедобычи на месторождении и выходила на самые удобные пологие берега реки. Однако у самого берега уже начиналась большая глубина, а чуть правее переправы у самого дна в Обь впадает подземная речка. Видимо из-за её течения и истончился здесь лёд быстрее, чем на других участках. Но люди-то этого не знали, проверяли толщину замороженной воды в значительном удалении от берега. Хорошо ещё следовали правилам техники безопасности и пускали машины на значительном удалении друг от друга.

Пошёл первый бульдозер, всё было нормально. Второй отправился следом, когда первый уже дополз чуть ли не до середины реки, и тут треск, грохот и быстро уходящая под воду техника. Тракторист успел выпрыгнуть, благо дверца кабины была открыта. Его чуть не утянуло в воронку вслед за тонущей техникой, но кто-то уже успел кинуть трос, и промокшего насквозь в ледяной воде человека вытянули всем миром. Повезло тем, что будку у переправы совсем недавно оборудовали рацией. С Рынковым связались быстро, и он тут же организовал вертолёт. Пострадавший тракторист хорохорился, говорил, что всё нормально, но против сурового слова Ивана Ивановича, который сам прилетел с вертолётчиками, спорить не стал. И его тут же доставили в больницу.

– А почему ты говоришь, что Иван Иванович опоздал? – удивился Арнапольский.

– Первым эту новость, на пять минут раньше, мне принёс Бугдач, и в его исполнении она была намного страшнее, с погибшими людьми.

– Да-а-а, – задумчиво протянул Георгий Самуилович, – и кто это у нас такой прыткий, чтобы тут же докладывать по инстанциям?

– Наверное, корреспонденты, – после некоторого молчания предположил Рынковой. Они ведь были у нас сегодня, собирали материал. Я их ещё с собой в вертолёт взял. Только я-то в больнице почти час просидел, пока удостоверился, что с пострадавшим всё нормально, а они-то умчались в редакцию.

– Ну да, по времени тогда всё сходится, – прикинул Арнапольский, – а сколько их было?

– Двое – один просто корреспондент, а второй – фотограф.

– Не даст он тебе покоя, Борис, – подвёл грустную черту этой истории главный инженер.

– Ты о Бугдаче?.. И не говори...